

КИТАЙ И США В XXI ВЕКЕ: О ЧЕМ ГОВОРИТСЯ И НЕ ГОВОРИТСЯ В КНИГЕ АМЕРИКАНСКИХ ЭКСПЕРТОВ

Предисловие к книге

**C. Fred Bergsten, Bates Gill, Nicholas R. Lardy, Derek Mitchell. “China: The Balance Sheet. What the World Needs to Know About the Emerging Superpower”. [redacted]
[redacted] Institute for International Economics. “Public Affairs”, N.Y., 2006.**

В. Попов¹

Перед Вами, уважаемый читатель, книга, интересная прежде всего в двух отношениях. Во-первых, в ней дается краткий и толковый обзор последних тенденций развития Китая – и экономики, и политической системы, и социальной жизни, и внешней политики. Да, эту информацию можно найти и в других публикациях, но здесь она преподносится в сжатом и систематизированном виде. Во-вторых, – и этом книга не похожа ни на одну другую на нашем книжном рынке – она написана американскими авторами с целью дать ответ на вопрос, так волнующий американский истеблишмент: как Америка должна реагировать на возвышение Китая, представляет ли быстрорастущий Китай угрозу США, или, наоборот, новые возможности, которыми при известном умении можно выгодно воспользоваться?

В американской политике по отношению к Китаю, как когда-то и в политике по отношению к СССР, борются два подхода – жесткий (“China hawks” – “ястребы») и мягкий (“panda huggers” – те, кто готов “обниматься с пандой”). Сторонники первого – неоконсерваторы из республиканской партии, которые еще в 1999г. провозгласили, что Китай стал главным стратегическим соперником США вместо развалившегося Советского Союза (правда, после 11 сентября 2001г. им пришлось назвать главным врагом международный терроризм и искать у Китая поддержки в борьбе с ним). Они настаивают на сохранении нынешнего эмбарго на поставки оружия Китаю, на безоговорочной поддержке Тайваня, на использовании торговых санкций, в случае если Китай не прислушивается к требованиям США. Китай, говорят они, может быть и догоняет США экономически, но в военном

¹ Профессор Российской экономической школы, автор книги «Три капельки воды: заметки некитаиста о Китае». М., издательство «Дело», 2002г.

отношении преимущество США бесспорно, так что надо использовать этот последний козырь для жесткого давления на Китай именно сейчас, пока военное превосходство, не дай бог, не исчезло вслед за экономическим.

Сторонники же второго, мягкого, подхода считают, что поднимающийся Китай можно инкорпорировать в систему мирохозяйственных связей и международной безопасности, которая отвечает интересам США. Америка, полагают они, при терпении и настойчивости может удержать Тайвань от провозглашения независимости (а, значит, и сохранить нынешнее status quo, избежав китайской военной интервенции на остров), договориться по Северной Корее, Средней Азии и другим региональным конфликтам, а главное – не допустить принятия торговых и экономических санкций в отношении Китая и развивать торговлю и инвестиции так, чтобы за США и американскими компаниями оставалось лидерство в производстве высокотехнологичной продукции.

Книга написана сторонниками именно последнего, мягкого подхода, экспертами из двух независимых научных центров – Центра стратегических международных исследований и Института международной экономики в Вашингтоне. Однако, так или иначе, цель американской политики в отношении Китая одинакова у сторонников обоих подходов – сохранить американское лидерство в мире, в том числе и экономическое, предоставив Китаю в глобальной экономике и политике почетную роль важного союзника США, разделяющего американские ценности, признающего в целом американские интересы и американское лидерство. Методы достижения этой цели различны, но различия сводятся главным образом к процентному соотношению кнута и пряника во внешнеполитическом арсенале.

Краткосрочная перспектива: чего хочет Америка от Китая?

Собственно говоря, главных требований три: (1) ревальвация юаня, (2) строгая защита прав на интеллектуальную собственность, (3) демократизация и расширение гражданских прав. Обсуждение именно этих требований проходит красной нитью через всю книгу, все остальные претензии США к Китаю в общем не кажутся слишком существенными. Позицию Китая по Тайваню (мирное сосуществование и всемерное развитие торго-

экономических и культурных связей до тех пор, пока Тайвань не провозглашает открыто независимости) американские эксперты считают, видимо, разумной. Расхождения же США и Китая в отношении к региональным конфликтам (Корея, Средняя Азия, Ирак, Иран, Судан, и проч.) не представляются достаточно серьезными, чтобы воспрепятствовать союзническим отношениям.

Первые два требования США кажутся слишком техническими и второстепенными, чтобы быть основным камнем преткновения в двусторонних отношениях, третье требование кажется более фундаментальным (распространение “американских ценностей”), но далеко не очевидно, что демократический Китай будет более проамериканским. Ведь главная оппозиция китайским властям сегодня исходит именно от “левых”, народ в Китае гораздо левее элиты, а антиправительственные демонстрации проводятся с портретами Мао, под лозунгами прекращения приватизации, восстановления социальной справедливости, борьбы с неравенством и другими язвами капитализма. Что если демократический Китай займет более антиамериканскую позицию, как демократические Иран и Палестина?

На самом деле, кое-что общее между этими, на первый взгляд, очень разнородными требованиями все-таки есть: независимо от субъективных мотивов тех, кто их выдвигает, объективно все они должны привести к подрыву быстрого экономического роста Китая.

(1) Ревальвация юаня. Америка обвиняет Китай в том, что он поддерживает искусственно заниженный курс юаня через накопление валютных резервов, что дает необоснованное преимущество китайским экспортерам. Отсюда – главный дисбаланс в мировом хозяйстве: дефицит баланса по текущим операциям США (6% от ВВП в 2005г.) и приток капитала со всего мира (в том числе и из Китая, так как китайские резервы в основном вкладываются в краткосрочные векселя американского правительства), который уже привел к превращению США в крупнейшего должника и грозит привести к накоплению такого внешнего долга, который будет неподъемным даже для американской экономики.

Почему Китай так быстро накапливает валютные резервы – с менее 5 млрд. долл. в 1978г. до почти 1 триллиона сегодня (не считая более 100 млрд. в Гонконге)? Почему быстро

накапливали резервы Япония (с менее 2 млрд. долл. в начале 1960 годов до почти 1 триллиона сегодня), Тайвань (более 200 млрд.), Корея (более 200 млрд.), страны Юго-Восточной Азии (на Восточную Азию сейчас приходится более половины всех валютных резервов мира)? Ведь накопление резервов, как и накопление любых запасов, связано с издержками – с ограничением потребления. Больше того, резервы вкладываются обычно в самые надежные и ликвидные ценные бумаги – краткосрочные казначейские векселя западных стран, процент по которым низок, так что альтернативные издержки хранения резервов высоки.

И почему США и другие западные страны не наращивают резервы так быстро, как страны Восточной Азии? Почему США требуют ревальвации юаня вместо того, чтобы самим девальвировать доллар, накапливая резервы, то есть скупая другие валюты и золото за доллары?

Учебники экономики, к сожалению, не дают ответа на эти вопросы. В экономической теории реальный курс считается эндогенным, то есть предполагается, что он определяется обстоятельствами, а не политикой. Грубо говоря, это означает, что если в России цены выросли вдвое, а в США остались без изменения, то в конце концов рубль должен будет подешеветь вдвое по отношению к доллару – с 30 до 60 рублей за доллар. Но это только при предположении, что валютные резервы не меняются, а если они меняются, то возникает неравновесный валютный курс. Так вот, занижение валютного курса через накопление резервов является мощным инструментом стимулирования роста для развивающихся стран.²

Занижение курса через накопление резервов ведет к снижению импорта и к переключению спроса на отечественные товары. К тому же относительная зарплата и относительные цены на non-tradables снижаются – как это было в России после августовского кризиса 1998г.; поскольку номинальные заработки и цены non-tradables отстают от повышения цен на

² См. подробнее: V. Polterovich, V. Popov. Accumulation of Foreign Exchange Reserves and Long Term Economic Growth. – In: Slavic Eurasia's Integration into the World Economy. Ed. By S. Tabata and A. Iwashita. Slavic Research Center, Hokkaido University, Sapporo, 2004. See full version at: <http://www.nes.ru/~vpopov/documents/EXCHANGE%20RATE-GrowthDEC2002withcharts.pdf>. Краткое изложение выводов на русском: Последняя надежда. – *Эксперт*, № 48, 22 декабря 2002г.

tradables в результате девальвации, повышается прибыльность и создается потенциал роста. Кроме того, накопление резервов занижающее валютный курс, стимулирует экспортно-ориентированный рост, который позволяет получить выгоды от равнения производителей на мировой, а не национальный рынок. Это особенно важно для развивающихся стран, которым по ряду причин прорваться на мировые рынки трудно, но для которых этот прорыв позволяет освоить западные технологии производства и управления. Наконец, накопление резервов позволяет привлечь прямые иностранные инвестиции – наверное, как потому, что заниженность курса удешевляет национальные активы в долларовом исчислении, так и потому, что инвесторы воспринимают устойчивую способность властей накапливать резервы как сигнал, свидетельствующий о силе правительства и серьезности его намерений. Последовательность в политике вообще дорого ценится – она свидетельствует о высокой степени консенсуса среди элиты и о способности правительства противостоять неблагоприятной конъюнктуре.

Накопление резервов не является ни необходимым, ни достаточным условием роста: в стране может быть плохой инвестиционный климат или того хуже, идет война, так что несмотря на накопление резервов темпы роста отрицательные; а, может быть, как в развитых странах, при хороших институтах и работающем рынке, можно выйти на оптимальную траекторию роста и без потерь в виде накопления валютных резервов. Тем не менее, для стран, которым трудно добиться повышения темпов роста другими мерами, которые не могут улучшить институты, укрепить правопорядок и искоренить коррупцию, накопление резервов часто оказывается последним доступным средством стимулирования роста. По сути дела, в современном мире, где протекционистские тарифы уже не играют прежней роли, накопление резервов оказывается одним из мощнейших инструментов промышленной политики, защищающей внутренний рынок, стимулирующей экспорт и экономический рост. Эта политика так и называется – «протекционизм валютного курса».

Статистика, которая «знает все», подтверждает, что быстрее других при прочих равных условиях росли те развивающиеся страны, которые интенсивно наращивали резервы. Какая страна смогла увеличить ВВП на душу населения больше, чем все другие в последние 40 лет? Если не знаете, то вряд ли догадаетесь – Ботсвана, 6% среднегодового роста, или за 4

десятилетия более, чем в 10 раз – было \$340 долларов на душу в 1960г., а стало почти \$4000 (это в постоянных долларах 1995г.). А какая страна имеет самые большие валютные резервы в мире по отношению к ВВП или к импорту? Та же Ботсвана – более 100% ВВП и на 2 года импорта (а 25 лет назад было менее 20% ВВП и на 3 месяца импорта). А какие еще страны имеют большие резервы? Юго-Восточная Азия, Китай, Маврикий, Чили, Ирландия – в общем всем известные чемпионы роста.

В 1997г. во время азиатского валютного кризиса Китай в отличие от многих других азиатских стран не девальвировал юань (то есть произошла его ревальвация по отношению к другим подешевевшим валютам) и заслужил похвалы США и международных финансовых институтов. А сейчас США добиваются от Китая ревальвации юаня, так как считают, что он растет за счет Америки, за счет искусственного занижения стоимости своих товаров, экспортируемых в огромных количествах на американский рынок (дефицит США в торговле с Китаем в 2005г. превысил 200 млрд. долл. – примерно столько же, сколько и весь российский экспорт). Китайский профицит возвращается в США в виде вложений растущих китайских резервов в облигации американского казначейства. Иностранные кредиторы держат сейчас 1/3 американского госдолга, причем доля азиатских инвесторов в ежегодных покупках долговых обязательств американского правительства иностранцами составляет 40% (европейских инвесторов – 43%). Если азиатские страны (или даже только Китай) откажутся покупать американские облигации (скажем из-за очередного теракта в США), процентные ставки в США возрастут, уровень производства и реальных доходов снизятся, доллар резко подешевеет – только так можно будет улучшить торговый баланс. Идея американских властей состоит в том, чтобы не дожидаться обвала, а обеспечить «мягкую посадку» путем постепенного удорожания юаня в сравнении с долларом: это удорожание должно снизить американский импорт из Китая и стимулировать американский экспорт в Китай.

США могли бы и сами снизить курс доллара через накопление собственных золото-валютных резервов, но не хотят. Ведь накопление резервов связано с издержками (для США – особенно большими, так как большая часть их резервов – в золоте, а не в валютах других стран, а хранение золота никаких процентов не приносит, только расходы), а выгоды от

накопления резервов в виде ускорения роста, которые получает Китай, США как развитая страна вряд ли получают. Вот Америка и пытается убедить Китай пожертвовать курсом юаня (а в конечном счете экономическим ростом) для восстановления равновесия американского платежного баланса.

История, как обычно повторяется. В 80-е же годы при Рейгане, когда тоже возрос дефицит торгового баланса США, главным виновником была признана Япония. Ее убедили ревальвировать иену: по «Плаза-соглашению» 1985г. ее курс вырос почти в 2 раза – с 239 иен за доллар в 1985г. до 128 в 1988г. В 90-е годы роста в Японии практически не было, причем многие экономисты объясняют это именно ревальвацией второй половины 80-х годов. В 30-е годы, в период «великой депрессии» многие страны прибегли к девальвациям, которые вкупе с протекционистскими мерами были призваны защитить внутренние рынки от иностранной конкуренции и получили название «политики ограбления соседа» («beggar-thy-neighbor-policies”).

Конечно, если все страны будут прибегать к «протекционизму валютного курса», проиграют все без исключения. Но ведь если кто и имеет моральное право на такую политику, так это развивающиеся страны, которым надо догонять развитые. Последние, однако, в том числе и США, соглашаются на это не из-за особого альтруизма. Китай фактически сделал США такое предложение, от которого очень трудно отказаться: мы финансируем ваше потребление, вы получаете возможность потреблять больше, чем производите (то есть, поддерживать дефицит баланса по текущим операциям), а мы получаете конкурентные условия доступа на ваш самый большой и самый продвинутый в техническом отношении рынок, что требуется для нашего быстрого роста. Или иначе: мы вам платим сегодня по 50-100 миллиардов ежегодно, чтобы вы не беспокоились о нашем 10-процентном росте... Можно сказать, что Китай фактически обменял свой краткосрочный государственный капитал (валютные резервы) на прямые иностранные инвестиции (их накопленная сумма превышает сегодня 600 млрд.долл.), вместе с которыми в страну пришла технология и управленческий опыт.

США, однако, все равно беспокоятся, но Китай не спешит идти навстречу США. После азиатских девальваций и фактической ревальвации юаня в 1997г. Китаю пришлось трудно – темпы роста экспорта упали до нуля в 1998г., а темпы роста ВВП – до 7% в 1999г. (в 1996 – 10%) и восстановились потом только благодаря снижению цен (дефляции), которое продолжалось почти 5 лет подряд (1998-2002гг.). Тогда Китай не девальвировал юань по политическим соображениям – чтобы помочь странам Восточной Азии, многие из которых были его вассальными государствами в не столь далеком прошлом, а теперь снова втягиваются в орбиту его влияния в рамках формирующегося нового союза «АСЕАН+3». Должен ли сегодня Китай помогать США – главному своему сопернику на мировой арене?

(2) *Защита интеллектуальной собственности.* У нас считается, что защита прав на интеллектуальную собственность – первейшее требование «цивилизованного» рынка. Но это, в основном, по незнанию – новообращенцы всегда оказываются «большими католиками, чем сам Папа». Вопреки нашим распространенным убеждениям, экономисты отнюдь не единодушны в стремлении крепить защиту прав на интеллектуальные продукты³. Среди экономистов-теоретиков как раз есть понимание того, что нынешняя система охраны прав на ИС несовершенна, что ужесточение патентных законов ведет к увеличению вложений фирм в НИОКР, но вместе с тем, предоставляя монополию на продукты интеллектуального труда, препятствует распространению нововведений; что стимулы к созданию новых интеллектуальных продуктов полностью не исчезнут, даже если совсем отменить монопольные права на новую интеллектуальную собственность и разрешить ее неограниченное тиражирование всем желающим. Ведь тиражирование не мгновенно, так что первооткрыватель всегда будет иметь преимущества. Кроме того, предоставление монопольных прав на интеллектуальный продукт – далеко не единственный способ вознаграждения производителя. Ему может платить государство из бюджета или из специального фонда распространения нововведений (развития культуры).

³ См. подробнее: В. Попов. Права на интеллектуальную собственность: интересы России и мировой экономической порядок. Полный вариант двух статей автора в журнале «Эксперт» -11 и 25 февраля 2002г. (<http://www.nes.ru/~vpopov/documents/INTEL-PROPERTY%20RIGHTS-PONARS2002.pdf>).

Патентно-копирайтное законодательство западных стран основано на принципе предоставления изобретателю/творцу монополии на интеллектуальный продукт с целью стимулирования инновационной активности. Надо понимать, что предоставление монополии, пусть и временной, ничего общего с рынком не имеет. Собственно говоря, предоставление и охрана такой монополии есть признание несостоятельности рынка в данной области (market failure) и попытка исправить такую несостоятельность через госрегулирование. Идея в общем неплохая, но вот воплощение, похоже, хромает. Закрепление монопольных прав на интеллектуальный продукт – довольно примитивная и грубая форма госвмешательства, имеющая массу негативных последствий, как и всякая монополия.

Где граница между результатами фундаментальной науки, которые нигде не патентуются, и изобретениями, которые становятся исключительной собственностью владельца патента? В США, кстати сказать, только 43% средств на НИОКР в самой наукоемкой фармацевтической промышленности поступают от самих фирм, тогда как 29% – от государственного Национального института здоровья, а остальное – от благотворительных фондов и университетов. Почему расшифровка генетического кода, ведущаяся на государственные деньги, становится бесплатным достоянием всего человечества, а такая же расшифровка, сделанная частной компанией, могла бы продаваться за деньги? И почему копирайты надо предоставлять на именно 50-75-100 (ненужное зачеркнуть) лет?

В общем даже странам, находящимся на острие технического прогресса, то есть западным, приходится искать наилучший баланс между стимулами к созданию интеллектуальных продуктов и к их распространению: сказать, что чем жестче защита интеллектуальных продуктов, тем лучше для экономики и людей, нельзя. Что же касается развивающихся стран, то в международном технологическом и интеллектуальном обмене они получают много больше, чем отдают, то есть являются чистыми импортерами; 97% всех патентов мира сосредоточено в западных странах. Вроде бы признано, что ускоренное развитие этих стран соответствует не только их собственным интересам, но и интересам всего мира, да и западным интересам (в частности, борьбы с терроризмом). Признано также и то, более

эффективно помогать через передачу технологии и знаний, нежели чем через субсидирование потребления.

Однако Запад активно добивается, чтобы развивающиеся страны платили сполна за приобретаемые интеллектуальные продукты – вплоть до принятия санкций против тех, кто плохо защищает права на копирайты, патенты и торговые знаки. Отступают от этого принципа только в исключительных случаях, как с лекарствами от СПИДа, когда связь между приверженностью принципу и потерей человеческих жизней слишком очевидна. Некоторые исследователи считают, что есть основания обвинить Запад в политике «залезть наверх и убрать лестницу»: ведь сами-то западные страны пользовались более либеральным режимом распространения изобретений, когда превращались из развивающихся в развитые, а теперь требуют от развивающихся стран жесткой охраны их интеллектуальных продуктов. Так может при таком режиме и в принципе «залезть наверх» невозможно?

И последнее. Главной международной организацией по охране прав интеллектуальной собственности в последние годы стала ВТО. В рамках уругвайского раунда (1986-94 гг.) были достигнуты соглашения о защите прав на «связанную с торговлей интеллектуальную собственность» (TRIPs), предусматривающие обязательную защиту патентов в течении 20 лет и копирайтов – в течении 50 лет в том числе и путем конфискации и уничтожения пиратской продукции по решению суда. Страны, вступающие в ВТО, как недавно Китай, а в скором времени, видимо, и Россия, должны принять на себя соответствующие обязательства и обнаружить готовность и способность их выполнять. Между тем, есть и Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС – WIPO), созданная еще в XIX веке, задолго до ГАТТ – ВТО (СССР стал членом в 1970 году). Почему же именно ВТО играет первую скрипку в охране интеллектуальной собственности?

Ответ известен – у ВТО больше рычагов воздействия на страны-члены, в ВТО вопросы защиты интеллектуальной собственности увязываются с международной торговлей: развитые страны предлагают развивающимся облегченный доступ на свои обширные рынки, но взамен требуют от развивающихся государств более строгой защиты интеллектуальной собственности. В рамках же ВОИС Западу особенно нечего предложить

развивающимся странам в обмен на требования усилить защиту (в основном западных) интеллектуальных продуктов; от такой защиты развивающиеся страны больше теряют, чем получают, так что не очень в ней заинтересованы. Собственно говоря, решение сделать TRIPs предметом переговоров в ГАТТ стало реакцией Запада на популярные в конце 70-х – начале 80-х годов идеи нового международного экономического порядка и, в частности, ответом на требования группы 77 реформировать систему охраны интеллектуальной собственности в рамках WIPO в целях обеспечения более свободного притока технологии в развивающиеся страны.

Однако с точки зрения существа дела, исходя только из экономической целесообразности, увязывать защиту прав интеллектуальной собственности со свободной торговлей не то что нецелесообразно, но и просто вредно. Даже если допустить, что защищать интеллектуальную собственность надо именно так, как предлагает ВТО, сдерживать из-за этого либерализацию международной торговли нерационально. Ведь свободная торговля, как доказывают экономисты, выгодна всем – даже одностороннее открытие рынков повышает благосостояние как стран-импортеров, так и стран-экспортеров. Если наказывать страны, плохо защищающие интеллектуальную собственность, отказывая им в доступе на западные рынки, получается, что развивающиеся страны вообще оказываются в ловушке: либо их заставляют больше платить за трансферт технологии и знаний (укрепляя защиту западной интеллектуальной собственности), либо затрудняют им доступ на западные рынки.

Для развивающихся стран был предусмотрен пятилетний переходный период, в течение которого можно было не следовать требованиям TRIPs. Но Китай, например, вступивший в ВТО в 2001г., от этого переходного периода вынужден был отказаться. Так или иначе, Китай, как и другие развивающиеся страны, импортирующие больше технологии, чем экспортирующие, конечно, потеряют от более строгих мер по защите интеллектуальной собственности – экономический рост либо замедлится, либо обойдется дороже, потребует больших вложений в закупку технологии и других интеллектуальных продуктов.

(3) *Демократизация.* Надо отдать должное авторам книги, они не заикливаются на требовании немедленной демократизации, но, напротив, сообщают множество малоизвестных в США, да и у нас, фактов о введении выборных механизмов и укреплении правопорядка в Китае в последние годы (фактически Китай продвинулся по пути демократизации намного дальше, чем, скажем, брежневский СССР). Такой подход в целом соответствует настроениям американской элиты – Китай и отношения с ним слишком важны, чтобы позволить себе то, что позволено в отношении других не слишком демократических стран. Американским официальным лицам, к примеру, и в голову не придет публично называть Китай диктатурой, как именуется Беларусь, или запрещать поездки китайских чиновников в США, как запрещают поездки белорусских, хотя, конечно, демократии в Беларуси больше, чем в Китае. Однако мягкий нажим на Китай постоянно оказывается и, если Китай поддастся, экономический рост, скорее всего, замедлится, и вот почему.

В политологии демократический режим с сильными институтами (в котором выборные органы гарантируют гражданские свободы, в том числе и свободу от государственного произвола) называется не просто демократией, а либеральной демократией, причем прилагательное «либеральный» в этом словосочетании не менее важно, чем существительное «демократия». Либерализм означает гарантированность прав личности и экономических агентов, таких как права собственности и исполнения контрактов, права кредиторов и должников, права на защиту жизни и достоинства личности и на справедливое судебное разбирательство. Права эти, разумеется, могут быть обеспечены только сильными институтами, прежде всего государственными, ибо «частной собственности без государства не бывает». Демократия добавляет к этим правам еще несколько – право на свободу слова и печати, право избирать и быть избранным, и т. п. – важные, но не более важные, чем права, заключенные в понятии либерализма.

В соответствии с таким подходом Европа сначала стала либеральной и только потом – демократической. В XIX веке в европейских государствах права личности и фирм были в основном обеспечены, хотя демократическими эти страны назвать было никак нельзя: на рубеже веков более половины взрослого населения не имело право голоса из-за цензов

оседлости и имущественных и других ограничений, а главное – потому, что женщины не допускались к голосованию. Первой европейской страной, где женщин допустили к избирательным урнам, стала Финляндия – в начале века это право было пожаловано лучшей половине населения тогдашней российской колонии не самым демократическим царским правительством. По тому же пути – от либерализма к демократии – шли (а некоторые все еще идут) и страны Восточной Азии, добившиеся в минувшие десятилетия впечатляющих экономических успехов.

Может быть, наиболее убедительный и красноречивый в данном контексте пример – Гонконг, где британские колониальные власти стали вводить зачатки демократии только накануне передачи территории Китаю (но так и не успели завершить дело), что однако не помешало Гонконгу превзойти свою метрополию – родину демократии – по уровню экономического развития. И тогда, при англичанах, и теперь, после передачи Гонконга Китаю, при коммунистическом правительстве, закон и порядок в Гонконге остаются на высоте, недостижимой для большинства стран мира, хотя демократии как не было, так и нет. Или другой пример – Гаити – одна из старейших демократий Латинской Америки, практикующая общенациональные выборы с начала XIX века: с тех пор там мало правопорядка и много демократии – в итоге 30 переворотов за 200 лет, последний – в марте 2004 года с вводом иностранных войск, чтобы остановить волну бандитизма.

В какой стране вы хотели бы жить, какого соседа хотели бы иметь? Приверженного законности, предсказуемого и стабильного, не слишком демократического, но уважающего права человека? Или же суперконкурентную демократию, но без правопорядка, в которой царят хаос, безвластие и беспредел?

В Гонконге, где правопорядок обеспечен, хотя демократия только сейчас вводится, причем постепенно (как, кстати, и во всем Китае, где повсеместно проводятся выборы в деревнях), уже говорилось. А вот знаете ли вы про правопорядок в Аомыне (Макао), колониальном анклав Португалии, переданном Китаю в 1999 году? Еще до передачи Китаю уровень преступности, в том числе и убийств, там пошел на убыль, так как оттуда уехали преступные кланы, контролировавшие игорный бизнес. Они не боялись португальских

колониальных властей, но слишком хорошо знали, что при коммунистическом режиме им вольготной жизни не будет. Согласитесь, это довольно высокая оценка, выставленная правоохрнительным органам КНР самим преступным миром, – при всех коррупционных скандалах в самом Китае Компартия все еще «ловит мышей» и сохраняет репутацию организации, с которой криминальному миру лучше не сталкиваться.

По другому пути – сначала демократия, потом либерализм – пошли страны Латинской Америки, а затем Африки. Для экономики демократия без либерализма, то есть без эффективных институтов, гарантирующих права экономических агентов, оказалась не слишком благоприятной средой – Африка и Латинская Америка в послевоенный период сдавали свои позиции в мировой экономике, отставая по темпам роста ВВП на душу населения. Именно тогда, в послевоенный период, произошло становление так называемых нелиберальных демократий как массового феномена (главным образом в Латинской Америке и в Африке, но в других регионах тоже – например, в Индии) – в основном демократических режимов, но не имеющих эффективных институтов для защиты либеральных прав.

В 90-е годы к числу нелиберальных демократий добавились многие советские республики и страны Юго-Восточной Европы – со схожими последствиями для экономического развития. Собственно говоря, страны Латинской Америки уже близки к созданию эффективных институтов, судя, скажем, по индексу доверия к органам государственной власти (который примерно такой же, что и в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке). А вот Африка и СНГ – пока что весьма далеки, дальше, чем любые другие крупные регионы мировой экономики. В 90-е годы только эти две группы стран продолжали удаляться от западных государств по уровню развития (ВВП на душу населения) и, похоже, эта тенденция сохранится, пока не будут созданы эффективные институты, способные превратить нелиберальные демократии в либеральные.

В общем, демократизация без обеспечения законности и правопорядка на деле, нравится нам это или нет, плохо сказывается на экономической динамике, а иногда даже ведет к спаду производства. Это та цена, которую приходится платить за раннюю политическую

демократизацию, то есть за введение процедуры демократических выборов в то время, когда основные либеральные права в обществе еще не утвердились. Если разбить страны на группы по степени обеспечения правопорядка (такие индексы рассчитываются Мировым Банком) и по уровню демократии (есть и такой показатель, рассчитываемый [REDACTED]), то наихудшая экономическая динамика наблюдается в именно в странах с неудачным сочетанием слабого правопорядка с относительно высоким уровнем демократии. Авторитарные режимы со слабым правопорядком в среднем случае тоже не слишком хороши для экономики, но все же лучше чем демократические: видимо, они могут компенсировать нехватку закона избытком порядка, то есть заполнить институциональный вакуум авторитарными методами.

Статистические расчеты свидетельствуют – демократизация в мире в последние 30 лет вела к повышению темпов роста только в тех странах, где правопорядок был на уровне; напротив, в странах со слабым правопорядком демократизация приводила к замедлению роста госрасходов и снижению эффективности госаппарата, к увеличению теневой экономики, повышению бюджетного дефицита и инфляции и, в конце концов, к снижению темпов экономического роста и продолжительности жизни. В данной статье нет возможности привести расчеты, но, поверьте, они есть и могут быть предоставлены авторами по первому требованию.⁴

«Лучше несправедливость, чем беспорядок..., – сказал однажды тот же самый Гете. – Падения тронов и царств меня не трогают; сожженный крестьянский двор – вот истинная трагедия». Мало кто в Китае сейчас сомневается, что при введении демократии в 1989г. именно крестьянским подворьям пришлось бы заплатить главную цену. Даже противники компартии вынуждены желать ей долгих лет жизни, ибо понимают, что она не только партия, но и государство, и что крах КПК приведет и к разрушению государственных институтов.

⁴ V. Polterovich, V. Popov. Democracy and Growth Reconsidered: Why Economic Performance of New Democracies Is Not Encouraging. Paper presented at GDN 6th annual conference, Dakar, 2005. (<http://www.nes.ru/~vpopov/documents/Democracy-GDN2005%20Dakar.pdf>).

Да, госчиновники и компартия коррумпированы, но без них порядка вообще не будет, как нет его сейчас у вас, в России, – такое в Китае можно слышать часто. Только один пример: мало кто сомневается, что одной из первых жертв быстрой демократизации в Китае будет, конечно же, нынешняя политика «один ребенок в семье». Между тем, именно эта политика способствовала быстрому китайскому росту через преодоление «ловушки бедности» – проклятия многих развивающихся стран. Эта ловушка заключается в высоких темпах роста населения, при которых инвестиций, финансируемых из ограниченных сбережений, едва хватает на то, чтобы создать новые рабочие места для быстрорастущего трудоспособного населения, а на рост капиталовооруженности, то есть на повышение оснащенности рабочих мест, которое только и ведет к росту производительности, денег уже не остается. При развале институтов и увеличении темпов роста населения поддерживать высокие темпы роста производства и доходов уже не удастся – хорошо еще если не будет кризиса. Но даже и простое снижение темпов роста для Китая обернется массой проблем.

Среднесрочная перспектива:

успех неортодоксальной модели догоняющего развития заразителен

Противостояние США и Китая, видимо, не исчезнет, даже если двум державам удастся договориться по курсу юаня и по защите интеллектуальной собственности и если Китай станет демократией. Расхождения между двумя странами глубже, так как их экономика основывается на разных моделях развития. Да, обе страны рыночные и капиталистические – более 70% китайского ВВП создается сегодня на негосударственных предприятиях. Однако успех Китая все-таки базируется не столько на экономической либерализации, сколько на продуманной промышленной стратегии.

Китайская, точнее восточноазиатская, модель развития обладает неотразимой привлекательностью для всех развивающихся стран, ибо только она обеспечила беспрецедентный, не имеющий аналогов в мировой экономической истории рост. Китаю (а раньше – другим странам Восточной Азии, основанным на китайской культуре – Японии, Корее, Тайваню, странам ЮВА) удалось в послевоенный период поднять темпы роста до 7-10% и поддерживать эти темпы роста в течение нескольких десятилетий. В итоге

Восточная Азия во второй половине 20 века стала по сути единственным крупным регионом, которому удалось сократить разрыв в уровнях экономического развития с Западом. Ни Латинской Америке, ни Ближнему Востоку, ни Южной Азии, ни Африке, ни бывшему СССР и Восточной Европе сделать это не удалось. Одно время, в 50-е – 70-е годы, казалось, что СССР и Восточная Европа, а также Латинская Америка сокращают разрыв с Западом. Но затем их модель импортзамещающего развития с треском рассыпалась: в Латинской Америке – после долгового кризиса начала 80-х годов, в СССР и Восточной Европе – в 90-е годы, когда они пережили падение производства, сравнимое только с «великой депрессией» 30-х годов.

Собственно говоря, именно и только в Восточной Азии находятся страны, которые смогли превратиться из развивающихся в развитые – Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг. Других государств, сумевших догнать Запад, в мире пока нет. Два последних случая можно списать на малые масштабы – это города, а не страны, но вот первые три никуда не денешь, они, что называется, колют глаз. Тем более теперь, когда по стопам этих стран идет Китай с пятой частью мирового населения. Вдобавок ко всему, не только темпы экономического роста в Восточной Азии были выше, чем в остальном мире, но и социальное неравенство было ниже, чем в схожих по уровню развития странах, преступность – ниже, продолжительность жизни – выше.

У победы, как известно, всегда много родителей, так что почти все экономисты пытаются доказать, что головокружительный успех Китая подтверждает именно их теории. Либеральные экономисты (неоклассики) объясняют успех Восточной Азии прорыночными реформами – дерегулированием экономики, низкими налогами и относительно небольшим, но эффективным правительством, стремительным вовлечением в мировую торговлю. По их мнению, восточноазиатские «тигры» и «драконы», наконец-то, показали всему миру, на что способна рыночная экономика со стабильной валютой, открытая внешнему миру и освобожденная от бюрократических пут.

Экономисты более левого толка – от кейнсианцев до дирижистов – говорят, что открытых дерегулированных экономик в мире полно, от Аргентины до Зимбабве, однако большинство

из них высокими темпами роста мир особенно не удивляли. Они указывают на либерализацию и открытие экономики в Китае в середине XIX века, после опиумных войн, в Африке и Латинской Америке в 80-е годы XX века, в бывшем соцлагере в 90-е годы (исключая Китай и Вьетнам – не правда ли, примечательные исключения?), после которых темпы роста упали, а не возросли. Наконец, они обращают внимание на сильную промышленную политику, проводившуюся практически во всех восточноазиатских странах: хотя госрасходы в этом регионе и вправду были относительно невелики, вмешательство бюрократии в хозяйственную жизнь здесь малым не назовешь. Рынок, конечно, играл свою роль в распределении ресурсов, но только после утверждения стратегических направлений правительственными чиновниками.

В 1993г. Всемирный банк опубликовал исследование «Восточноазиатское чудо: экономический рост и правительственная политика», в котором проанализировал факторы стремительного экономического роста в 1965-90гг. 8 восточноазиатских стран – Гонконга, Индонезии, Малайзии, Южной Кореи, Сингапура, Тайваня, Таиланда и Японии. Выводы оказались неоднозначными. Все экономисты признали в качестве составляющих успеха политику, направленную на создание стабильной макроэкономической среды (низкая инфляция), стимулирование сбережений и государственных вложений в образование и инфраструктуру, привлечение иностранных инвестиций, поддержку надежной банковской системы.

Но вот, что касается промышленной политики – создания особых преференций для развития отдельных отраслей обрабатывающей промышленности через тарифную защиту, госсубсидии, госзаказы, госкредиты и т.п., – здесь особого единства не наблюдалось. В лучшем случае можно говорить о том, что Всемирный банк частично и нехотя признал, что экспортно-ориентированная промышленная политика, благоприятствующая сильным конкурентоспособным отраслям, которые и так поднимаются вверх силами рынка, может быть эффективной. То есть если правительство подталкивает структурную перестройку в том направлении, в котором она уже и так идет, то промышленная политика «может быть» полезной. Может быть, но не обязательно будет – не дано бюрократам знать лучше, чем рынку, какие отрасли в будущем будут преуспевать, а какие обречены на вымирание. И

если они угадали один раз, это не значит, что угадают второй. Однако другие экономисты, напротив, считают, что успех связан с поддержкой отраслей, которые рыночная конкуренция уничтожила бы, не будь господдержки, так что потребности в продукции этих отраслей сегодня удовлетворялись бы за счет импорта.

Сегодня в результате прогресса экономической науки появилось гораздо более четкое понимание, почему протекционистские меры и другие рычаги промышленной политики могут быть успешными и при каких условиях этот успех достигается. *Первое требование к успешной промышленной политике состоит в том, что она должна быть экспортно-ориентированной.* Таможенная или прочая защита отечественных производителей обязательно должна дополняться поощрением экспорта, тогда это и называется экспортно-ориентированной промышленной политикой. А без поощрения экспорта протекционизм ведет только к импортзамещению.

Способов поддержки экспорта много, но главным инструментом является, как уже говорилось, занижение валютного курса через накопление валютных резервов центробанком: когда последний закупает валюту в размерах, превышающих предложение участников рынка, то есть создает избыточный спрос на валюту, курс национальной денежной единицы понижается. Искусственная заниженность курса создает преимущества для всех производителей торгуемых товаров за счет производителей неторгуемых товаров, что позволяет стимулировать экспорт, производство и сбережения через ограничение импорта и потребления. Такого же эффекта можно в принципе добиться, манипулируя налогами, скажем, через введение импортных пошлин и экспортных субсидий. Однако занижение курса через накопление резервов – неселективный инструмент промышленной политики, имеющий очевидные преимущества перед селективными (дифференцированные по отраслям и предприятиям налоги и субсидии) в условиях высокой коррупции.

Заниженный курс имели Япония, Корея, Тайвань и Сингапур несколько десятилетий назад, когда они еще были "бедными" и догоняли развитые страны; заниженным курсом пользуются в последние десятилетия государства Юго-Восточной Азии, поддерживая его на уровне 20-40% от паритета покупательной силы, то есть на таком уровне, что их цены при

пересчете в доллары оказываются в 2,5-5 раз ниже американских. Китай упорно отказывается ревальвировать курс несмотря на нажим США, хотя его цены составляют всего 20-25% от американских, и продолжает накопление валютных резервов.

Однако простого поощрения экспорта недостаточно. Представьте теперь страну, у которой самые конкурентоспособные отрасли – нефте- и газодобыча, как в России, или производство текстиля, как в Китае. Надо ли такой стране поощрять перемещение труда и капитала из остальной экономики в эти самые конкурентоспособные отрасли? Или, чтобы довести пример до крайности, представьте, что страна специализируется на мытье тарелок или на предоставлении массажных услуг. Надо ли поощрять такую специализацию? Здравый смысл подсказывает, что ответ должен быть отрицательным, хотя бы только по неэкономическим соображениям, то есть даже если с чисто экономической точки зрения такой вариант наиболее эффективен. Каждая страна, например, желает сохранить свой язык и культуру, даже если эффективнее перейти на английский (китайский).

Недавние исследования, кроме того, показывают, что поощрение сложного наукоемкого экспорта выгодно и с чисто экономической точки зрения. И не потому, что ресурсы могут кончиться или подешеветь, а потому, что общественная отдача от развития наукоемких производств больше, чем отдача для конкретных фирм, которые занимаются такой деятельностью. Это так называемая экстерналия, внешняя выгода, которую рынок правильно учесть не может, так что необходима господдержка, чтобы вывести развитие таких отраслей на оптимальный уровень. Экстерналию измерить очень сложно. Общеизвестно, например, что существуют значительные экстернальные эффекты от развития образования, здравоохранения, фундаментальной науки, так что государство должно поддерживать эти отрасли, но в какой именно мере – не вполне ясно. Во всяком случае экстерналия от развития наукоемких производств на экспорт больше, чем экстерналия от экспорта ресурсов и технически несложных товаров.

В недавних статьях Рикардо Хаусманна, Джейсона Хванга и Дэни Родрика⁵ предложен остроумный индекс сложности экспорта, который рассчитывается в два этапа. Сначала исчисляется средневзвешенный ВВП на душу для стран, экспортирующих определенный товар (из 5000 возможных товарных позиций) – получается доход на душу в гипотетической стране, которая специализируется на экспорте именно и только этого товара. Затем такой же гипотетический уровень ВВП на душу исчисляется для страны с данной структурой экспорта и сопоставляется с фактическим для этой страны уровнем ВВП – оказывается, что это сопоставление очень информативно для объяснения темпов экономического роста.

Китай, например, и в 1992 г., и в 2003 г. имел наибольший разрыв между гипотетическим и фактическим уровнем ВВП на душу, то есть структура китайского экспорта соответствовала уровню развития страны, которая в несколько раз опережала Китай по ВВП на душу населения. Да, в последние годы коэффициент такого опережения сократился – с 6 раз в 1992г. до менее 3 раз в 2003г., но это опережение все равно остается самым высоким в мире.

Собственно говоря, именно такая политика, нацеливающая национальных предпринимателей не просто на экспорт, а на постоянное усложнение экспорта, и объясняет экономический успех Китая. *В этом как раз и состоит второй принцип успешной промышленной политики: не всякий экспорт стоит поддерживать, а только тот, который дает наибольшую экстерналию, внешнюю выгоду, возникающую тогда, когда общественная отдача от вложений в определенный вид деятельности больше, чем отдача для конкретных фирм, непосредственно занимающихся такой деятельностью.*

В 1992г., еще при жизни Дэн Сяопина, Китай провозгласил политику «шичан хуан цзишу», буквально «технология в обмен на рынок», то есть уступка части национального рынка транснациональным компаниям в обмен на получение от них передовой технологии при создании совместных предприятий. Со стороны, особенно с нашей, российской стороны, эта китайская политика кажется исключительно успешной: с начала 90-х годов начался

⁵ Hausmann, Ricardo, and Dani Rodrik, “Economic Development as Self-Discovery,” *Journal of Development Economics*, December 2003; Hausmann, Ricardo, Jason Hwang, and Dani Rodrik, “What You Export Matters,” NBER Working Paper, January 2006; Dani Rodrik WHAT’S SO SPECIAL ABOUT CHINA’S EXPORTS? Harvard University, January 2006.

массированный приток иностранных прямых инвестиций в Китай, накопленный объем этих инвестиций достиг 500 млрд. долл., ежегодный приток в последние годы держится на уровне 50 млрд. долл.

В самом Китае, однако, политика заимствования технологии подвергается все большей критике. Китай сравнивает себя не с Россией, а с Кореей и Японией и с самим собой периода Мао, и здесь сравнение далеко не в пользу пореформенного Китая. Китай взорвал свою первую атомную бомбу в 1964г., через 15 лет после СССР и 19 лет после США; в 1970г., всего на 13 лет позже СССР, запустил первый спутник. Однако строительство атомных станций началось в Китае лишь в 80-е годы, а первая сконструированная в Китае атомная станция «Циньшань-1» вступила в строй только в конце 1991г.; первый непилотируемый космический корабль был запущен в 1999г., первый китайский «тайконавт» поднялся в космос в 2004г. – 34 года спустя после запуска первого спутника. Собственные большие самолеты вообще не производятся в Китае до сих пор, хотя при Мао страна была близка к созданию собственной авиационной промышленности. Китайские авиа инженеры до сих пор не могут простить Дэн Сяопину, что он прекратил все работы по собственному китайскому самолету в начале 80-х годов, когда таковой уже был создан в металле и летал в экспериментальном варианте.

В 2004г. китайский журнал «Шан У Чжоукань» («Business Watch Magazine») опубликовал статью с характерным названием “Переосмысление стратегии привлечения прямых иностранных инвестиций – политика “рынок в обмен на технологию” полностью провалилась?” В этой статье, среди прочего, профессор Пекинского университета Лу Фен на основе своих исследований автопромышленности заключил, что отрасль уже попала в порочный круг “отсталость – закупки технологии – отсталость” (сейчас 90% китайского авторынка контролируется ТНК).

Лу Йаньхуа, заместитель министра науки и техники Китая, в ноябре 2005г. выступил с развернутой критикой политики “рынок в обмен на технологию”, назвав ее самообманом. Китай и Корея стали закупать ядерные реакторы за границей практически одновременно, сказал он, но теперь Корея продает их за рубеж, а Китай продолжает их импортировать.

Между тем, с начала 70-х годов Китай разрабатывает свои реакторы по 300 тысяч и 600 тысяч киловатт, но энергетики предпочитают покупать иностранные с мощностью 900 тысяч или 1 миллион киловатт, так что собственные НИОКР в этой сфере пришли в запустение.

Очень часто ТНК после покупки китайских предприятий увольняют научно-исследовательский персонал, как это сделал “Фольксваген” после приобретения “Шанхай авто” и “Чанчунь авто”. По словам Лю, корейское правительство с самого начала придерживалось четкой политики: технология может быть куплена за границей только один раз, а госфинансирование распределяется в пропорции 1/5 на импорт технологии и 4/5 – на приспособление к местным условиям и собственные НИОКР. В Китае такая пропорция сегодня 1: 0.08.

В общем политика, которую большинство в мире считает сказочно успешной, в Китае критикуется со всех сторон. Но, все равно, китайская модель после краха СССР за пределами Китая, для развивающихся стран стала вне всякого сомнения самой притягательной – от Бразилии до Фиджи. Все больше экономистов и политиков в самых разных странах Юга признает, что не только рынок, но и правительство должно внести свой вклад в экономических успех, в частности путем проведения экспортно-ориентированной промышленной политики, то есть создания налоговых, кредитных, таможенных и прочих преференций передовым отраслям и предприятиям, нацеленным на внешние рынки. Это прямо противоположно неолиберальным рецептам США и объективно противоречит их интересам по сохранению мирового лидерства. Если все «экономические чудеса» в мире случились не благодаря советам международных финансовых институтов и США по либерализации экономики, а вопреки им, как в Восточной Азии в целом и в Китае в частности, то, значит, США объективно проводили политику, направленную на торможение экономического роста Юга? А если все развивающиеся страны завтра выстроят свою экономическую стратегию «а la китайская модель», что же станет с неолиберализмом? Понравится ли это США? Ну и, наконец, если все развивающиеся страны начнут расти по 10% в год, как Китай, и в конце концов догонят США и Запад, что станет с американским лидерством?

Долгосрочная перспектива: азиатские ценности более конкурентоспособны?

Потенциальный конфликт между США и Китаем в более долгосрочном плане связан не только с различием моделей экономического роста, но и с цивилизационными различиями, с разной системой ценностей. Это не обязательно выльется в набивший оскомину «конфликт цивилизаций», но соревнования в этой области не избежать. «Азиатские ценности» – это приоритет интересов общины (деревни, предприятия, нации, мирового сообщества) над интересами индивидуума. Они часто противопоставляются западным ценностям, в основе которых посылка о неотъемлемых, священных правах человека, которые не могут быть отчуждены от индивидуума ни при каких обстоятельствах даже ради достижения высшего общественного блага. Известный политический философ Джон Роулс сформулировал принцип, в соответствии с которым демократические ценности и права человека имеют приоритетное значение: согласно Роулсу⁶, права человека, включая политические права, «не могут быть ни предметом политического торга, ни разменной монетой при расчете общественных интересов».

С другой стороны, защитники «азиатских ценностей», корни которых часто ищут в конфуцианстве, настаивают на приоритете интересов общества над интересами индивидуума, считая, что в принципе политическими правами отдельных индивидуумов можно пожертвовать ради высшего общественного блага, например, ради достижения устойчиво высоких темпов роста и социального равенства. По словам Аматьи Сена, «Ли Кван Ю, бывший премьер-министр Сингапура и горячий сторонник «азиатских ценностей», защищал авторитарную модель правления как раз на том основании, что она эффективна для достижения экономического успеха»⁷.

⁶ Rawls, John . A Theory of Justice. Cambridge, Massachusetts: Belknap Press of Harvard University Press, 1971.

⁷ Sen, Amartya. Human Rights and Asian Values: What Lee Kuan Yew and Lee Peng Don't Understand About Asia. – *The New Republic*, July 14, 1997, Vol. 217, No. 2-3.

Из заложенного в “азиатских ценностях” принципа компромисса (для достижения высшего общественного блага) логически вытекает и другой – терпимость к разным формам общественного устройства, уважение к альтернативе, к эксперименту, понимание, что для выживания и процветания общины (нации, цивилизации) можно поступиться всеми идеологиями и “измами” вместе взятыми. Эта терпимость высоко ценится другими странами и часто противопоставляется американской агрессивности и примитивному делению мира на “наших” и “ваших”.

Китайское руководство не вмешивается в дела других государств и не учит жить других, даже когда помогает им материально: китайская помощь развивающимся странам не связана никакими условиями. Китай не вводит санкций и эмбарго против других стран, считая их неуместными в принципе. Даже с Тайванем КНР все время стремилась к развитию торгово-экономических и культурных связей, тогда как именно Тайвань этому всемерно сопротивлялся. До сих пор китайские инвестиции на Тайване практически отсутствуют (запрещены; если их разрешить, КНР просто скупил бы остров на корню), тогда как тайваньские бизнесмены вложили в экономику материкового Китая порядка 100 млрд. долл.

Как говорил величайший военный стратег всех времен и народов Сунь Цзы 25 веков назад, «сражаться и побеждать в каждой битве – это не высшее совершенство; высшее искусство состоит в том, чтобы сломить сопротивление врага без сражения».⁸ Похоже, и прошлые, и нынешние правители Китая, не всегда, конечно, но гораздо чаще, чем лидеры других стран, стараются руководствоваться этим принципом – не захватывать и принуждать, а утверждать лидерство собственным примером. Китай, возможно, становится «асимметричной сверхдержавой», по выражению Дж. Рамо, автора другого известного выражения – «пекинский консенсус», отличительными чертами которого, как он говорит, являются скептическое отношение к приватизации и свободной торговле и убеждение, что глобализация не должна приводить к подрыву национального суверенитета и к разрушению национальных моделей развития. «Вместо того, чтобы копировать сверхдержаву американского типа, бряцающую оружием и нетерпимую к другим, – пишет он, – Китай

⁸ Sun Tzu. The Art of War. Translated from Chinese by L. Giles. MA., 1910.

завоевывает влияние в мире примером собственной модели, силой своей экономической системы и жесткой защитой национального суверенитета»⁹. Может быть, именно в «азиатских ценностях» и заключен секрет исключительного долгожития и устойчивости китайской цивилизации и государственности?

Историки говорят, что империя никогда не перенапрягалась и не захватывала больше территорий, чем могла переварить – то ли из-за государственной мудрости, то ли просто в силу исторической случайности. В начале XV века, за 80 лет до великих географических открытий, великий китайский путешественник Чжэн Хэ исследовал всю северную часть Индийского океана – был в Малайзии и Индонезии, на Цейлоне и в Индии, на Аравийском полуострове и в восточной Африке и, возможно, даже на Мадагаскаре. Крупнейший из его кораблей имел более 100 м в длину и водоизмещение 1500 т, тогда как португальские суда той эпохи обычно не превышали 30 м в длину и 300 т водоизмещения. В парусной технике того времени Китай тоже был впереди Европы, хотя в навигации (применение астрономии и астрологий) несколько отставал. Так или иначе, Чжэн Хэ совершил 13 экспедиций и обложил данью многие прибрежные государства Индийского океана и Красного моря. Все шло к тому, что Китай должен был открыть Европу и Америку – в 2002г. даже появились сообщения об обнаружении остатков кораблей Чжэн Хэ на Карибских островах; есть также и венецианские карты, датируемые началом XV века, на которых изображены и мыс Доброй Надежды, и некоторые острова Карибского моря; эти карты, как предполагается, попали в Европу из Китая через находившегося на кораблях Чжэн Хэ итальянца и были впоследствии использованы Колумбом и Магелланом. Однако судьба распорядилась иначе – правители минской династии запретили морские путешествия на многомачтовых кораблях менее чем через 100 лет после великих открытий Чжэн Хэ.

Историки до сих пор не могут понять, почему империя решила самоограничиться. Но факт остается фактом – колониями Китая были только Синьцзян и Тибет, да и то не колониями в строгом смысле этого слова, так как население этих регионов имело те же права, что и китайцы. Корея же и государства ЮВА были хотя и вассальными, но формально самостоятельными государствами, в которые древний Китай, хоть и посылал время от

⁹ Newsweek, May 9, 2005.

времени войска, но также и разрешал им в качестве особой милости использование своего календаря – большого «ноу-хау» пот тем временам. С Индией, Аравией и Африкой после Чжэн Хэ решено было вообще не контактировать. Самоизоляция исключила опасность чрезмерной экспансии, от которой погибли другие империи, но вместе с тем и положила начало технологическому отставанию Китая от Европы – с XVI века это отставание стало нарастать.

Даже и в конце XVIII века, после американской Войны за независимость и Великой французской революции, когда Европа уже вступила в эпоху просвещения, Китай особенно не интересовался внешним миром. Когда английский король Георг III в 1792г. отправил в Китай послание с предложением развивать торговые связи и торговую миссию с образцами английских товаров, император Цянь-лун ответил буквально следующее: «Я прочел Ваше послание; искренность, с которым оно написано, обнаруживает уважительное смирение с Вашей стороны, достойное высокой похвалы... Чтобы показать свою преданность, Вы также послали мне образцы изделий из Вашей страны... Властвуя над огромным миром, я не имею другой цели, кроме как поддерживать совершенное управление и гарантировать исполнение государством его обязанностей. Станные и изобретательно сделанные предметы не представляют для меня интереса. Я не могу найти применения изделиям из Вашей страны. Вам надлежит, о король, уважать мои чувства и выказывать мне еще большую преданность и лояльность в будущем, так чтобы вечной покорностью нашему трону Вы смогли обеспечить мир и процветание Вашей стране. Трепетно подчиняйтесь и не проявляйте небрежения». Видимо, это было циркулярное письмо тогдашнего китайского МИДа, которое направляли всем обнаруживавшимся странам за пределами империи...

Даже и после революции 1949г. и образования КНР китайское коммунистическое руководство, включая Мао Цзэдуна, проявляло куда больше гибкости и терпимости, чем обычно считается. Когда части 8-ой Народно-Революционной Армии, оттесняя в 1949г. гоминдановцев на Тайвань, подошли к Гонконгу, им ничего не мешало взять его, что называется, с марша, он не мог оказать им никакого военного сопротивления. Незадолго до этого Мао не послушал Сталина, настойчиво советовавшего ему не двигать войска на юг, не пересекать Янцзы и оставить в покое гоминдановское правительство в Нанкине. Кто знает,

если бы Мао внял тогда советским предложениям, Китай до сих пор был бы разделен на две части, как Корея. Однако, подойдя к Сянгану, Мао неожиданно остановился. Говорят, он решил тогда оставить Гонконг Британии, просто чтобы посмотреть, что у них получится. Видимо, он искренне надеялся, что свободный Китай докажет свое преимущество в экономическом соревновании с колониальным анклавом империализма.

Получилось с точностью до наоборот: Гонконг быстро стал самым богатым азиатским городом, превзойдя даже Англию, свою метрополию, по уровню жизни. Однако в решении Мао, согласитесь, были и калибр, и воображение, и стратегическая дальновидность. Три десятилетия Гонконг был живым укором экономической политике КПК, но даже в самые голодные годы «большого скачка» туда шли эшелоны с продовольствием из Гуандуна в строгом соответствии с подписанными контрактами. В конце концов, не в последнюю очередь благодаря Гонконгу, оставленному в роли «контрольного участка», на котором результаты оказались лучшими, чем на «опытном», в Китае начались реформы Дэн Сяопина в 1978г. Да и философия этих реформ была схожей: экспериментировать, «чувствовать камни под ногами при переходе реки». Сам же автор самых крупных в истории человечества экспериментов в области социальной инженерии был крайне скромнен в окончательном подведении итогов. Говорят, когда при Мао, спросили об исторической роли Великой французской революции XVIII века, он ответил: «пока что слишком рано судить...». (Эти слова часто приписывают Мао, но на самом деле так сказал Чжоу Эньлай, премьер Госсовета КНР при Мао.)

То же и с Тибетом. Мало кто знает, например, то, что в Китае знает каждый школьник: в течение 10 лет после победы коммунистической революции в Китае и создания КНР, вплоть до 1959г. Тибет пользовался практически полной автономией во внутренних делах. До такой степени, что в Тибете существовала кастовая система и крепостное право (с продажей людей и прочими феодальными «прелестями»!), так как при китайских императорах. Из уважения к внутренней автономии Тибета коммунистическое правительство Китая первые 10 лет после революции не вмешивалось в социальное устройство архаичного тибетского общества, так что во вторую половину XX века Тибет вступил как последний заповедник крепостного права на планете: 90% населения – крепостные крестьяне, 5% - домашние

крепостные слуги, остальные 5% буддистские монахи и земельная аристократия. Так, регент Дагжаг, глава местного тибетского правительства до 1959г. при нынешнем, 14-ом, Далай-ламе, владел 100 гектарами земли и 80 крепостными.

Восстание 1959г. в Тибете началось под лозунгом независимости (автономии-то у Тибета было и при коммунистах больше, чем достаточно) и фактически не оставило центральному правительству в Пекине выбора. Подавление восстания Народно-освободительной армией Китая было уничтожением последнего оплота сепаратизма, а заодно и крепостничества, примерно как война Севера и Юга в США за сто лет до этого. Далай-лама, между прочим, бежавший в Индию вместе с землевладельцами-крепостниками, до 1964г. вообще ничего не говорил о демократии, то есть, получается, боролся за восстановление крепостничества в Тибете. Китайское же правительство после 1959г. и крепостное право в Тибете отменило, и земельную реформу провело, и школьную систему, которой раньше вообще не было, создало, и инвестиции направляет, так что Далай-лама, в Тибете не столь популярен, как в мире...

В общем «азиатские ценности» могут оказаться более привлекательными для других стран, чем протестантская «свобода личности с правами человека». Все-таки китайской цивилизации уже 5000 лет, и только она одна не сошла с дистанции, как другие. Открывшееся же у Китая в последние 25 (или 50) лет «второе дыхание» заставляет рассматривать отставание в XIX – первой половине XX века как «временные трудности роста».

Собственно говоря, то, что сегодня называют «азиатскими ценностями», до протестантизма XVI века было универсальным принципом всего человечества – никакого примата интересов индивидуума над интересами общества до этого времени не было. Перечитайте «Ветхий Завет» – сколько народа, своего и чужого, загубил Моисей во имя высшей божественной цели привести соплеменников в «землю обетованную» и произвести от них «народ сильный и многочисленный». Нациям надо было тогда выживать в трудной борьбе с врагами – какие уж тут права человека, когда фараон по пятам гонится...

Одно время казалось, что Запад, поставивший на личную свободу и права человека, сумел обогнать все другие цивилизации и экономически, и в военном и культурном отношении, так что им остается только подражать Западу, чтобы добиться таких же успехов. Однако новый подъем Восточной Азии в послевоенный период, и особенно центра Восточной Азии – Китая, заставляет думать, что в соревновании цивилизаций еще рано ставить точку.

Ведь Китай – не просто самое древнее государство, преемственность культуры в котором никогда не прерывалась, но в течение последних 2000 лет, за исключением разве что пары последних столетий, – самое могущественное государство мира. В средние века Китай фактически оказался одной из немногих старейших цивилизаций, не утратившей преемственности со своими древними корнями. Месопотамия и Египет, Греция и Рим, арабские халифаты и монгольские ханства, рушились под натиском завоевателей, а в Китае одна династия сменяла другую. Только дважды Китай был завоеван – монголами в XII веке н.э., основавшими затем свою династию Юань (1279-1368гг.н.э.) и маньчжурами в начале XVII века, основавшими последнюю китайскую династию Цин (1644-1911гг.), но завоеватели неизменно окитаивались и поглощались огромной цивилизацией.

До XVI века по уровню ВВП на душу населения и технологии Китай либо превосходил все другие цивилизации, либо не отставал от них. Памятники материальной культуры эпохи династии Цинь III века до н. э. – скульптуры, оружие, гончарное искусство, обработка металлов, стекла и камня, архитектура и водопровод – не уступают греческим и римским. Компас, бумага, порох, книгопечатание, фарфор, шелк – все это было изобретено в Китае задолго до того, как было «снова изобретено» в Европе или импортировано из Китая. Китайские астрономические хроники считаются лучшими в мире. За 3000 лет, со времени династии Инь, правившей еще до XI века до н.э., и до 1911г., китайские звездочеты зафиксировали и описали 360 комет; они первыми описали комету Галлея в 613г. до н.э. и рождение сверхновой звезды в XIV веке до н.э.

Еще и в 1820г. Китай, население которого составляло тогда 342 миллиона человек против 122 миллионов во всех странах, которые теперь называют Западом, превосходил по объему ВВП все остальные страны (хотя уже и отставал в 2 раза по уровню ВВП на душу от Запада)

и только позже уступил первое место Британии. В 1830г. на страны, которые потом стали называться «третьим миром», приходилось 60% мирового производства обрабатывающей промышленности, в том числе на Китай – порядка 30%.

Как говорят историки, китайская цивилизация уникальна в нескольких отношениях. Во-первых, конечно, иероглифы, которые выросли из примитивных картинок. Удивительно, естественно, не то, что иероглифы произошли из стилизованных изображений – все древние письмена изначально были пиктограммами – а то, что иероглифы сохранились до наших дней. Ведь другие народы, кто раньше, кто позже, перешли на алфавит, а Китае ничего подобного не произошло. В Японии в VIII-IX веках изобрели в дополнение к иероглифам две слоговых азбуки – хирагану и катакану: первая используется для записи предлогов, суффиксов и коротких слов, вторая – для записи иностранных слов, но корневые части большинства слов все равно пишутся иероглифами. На хирагане и катакане можно написать все что угодно – и это будет абсолютно понятно; собственно говоря, книжки для детей и учебники японского (первые уроки) пишутся на хирагане. Однако потом дети все равно учат иероглифы – примерно так же, как в 3-5 лет детям дают «хаси» – палочки для еды, хотя до этого разрешают есть «по-простому», вилкой. Во времена послевоенной оккупации Японии генерал Макартур, склонный к простым решениям, пытался ввести в Японии «ромадзи» – латинский алфавит, но реформа не прижилась. В Корее на свой, корейский, алфавит – хангыль, который языковеды называют наиболее совершенным и научно-обоснованным в мире, перешли в XV веке, хотя образованные люди всегда знали китайские иероглифы – теперь их опять учат в школе, хотя одно время и не учили. В коммунистическом Китае были планы перейти на латиницу, чтобы облегчить достижение грамотности, но они так и не осуществились.

Во-вторых, китайская цивилизация отличается от всех других огромным массивом древних рукописей – письменных документов-памятников, фиксирующих историю страны на протяжении пяти тысячелетий. Археологически подтверждено существование династии Шань-Инь (XVI – XI века до н.э.), первые образцы китайской письменности восходят к XVI веку до н.э. (гадательные надписи на костях животных и панцирях черепах), однако в более поздних источниках события китайской истории записаны, начиная с тысячелетнего

периода правления мудрых отцов-прародителей в III тысячелетии до н.э. В беспрецедентно многочисленных письменных сочинениях и исторических повествованиях, многие из которых дошли до нас в редакции Конфуция (VI-V века до н.э.), детальность описания событий и фактов тоже беспрецедентна. Как считают историки, по охвату событий и фактографической насыщенности китайское историописание не имеет сколько-нибудь близких аналогов в мировом письменном наследии.

И, наконец, в-третьих, ни в одной культуре мира почитание предков не приобрело такого влияния на духовную жизнь как в Китае. Началось все это еще до Конфуция – в эпоху Шан-Инь (XVI-XI века до н.э.) правители почитали прародителя Шанди («Верховного божества» и первопредка иньцев), а при последовавшей затем эпохе Чжоу на смену Шанди пришел культ Неба, чжоуские государи носили священный титул Сына Неба. Собственно со всеми ранними божествами китайские правители состояли в близких родственных отношениях. Ну а после Конфуция сыновняя почтительность и уважение родителей были возведены в разряд главных добродетелей, на которых покоится правильное государственное устройство.

Все три уникальные характеристики китайской цивилизации, как легко заметить, связаны одной общей идеей – преемственности. Почтение к предкам определило непрерывность традиции и накопление письменного наследия, а на алфавит в Китае не перешли, потому что огромное письменное наследие не пожелали обесценивать. При всех катаклизмах пятитысячелетней китайской истории революций в культуре даже во времена «культурной революции» по сути не было, были только реформы – изменение одного при сохранении другого. Так что Британию называют страной традиций по чистому недоразумению; Китаю такое название подходит гораздо больше. По словам китаевода Михаила Ермакова, «уникальность китайской цивилизации – древнейшей среди современных – заключена в непрерывавшейся линии преемственности, связавшей глубокую древность с настоящей реальностью, сохранившей черты прошлых веков для будущих поколений, создавшей особый склад китайского ума, обращенного в будущее через призму прошлого».

Сказать, что у китайцев терпимость к другим формам общественной жизни – в крови и что они всегда оставляют «контрольный участок» было бы преувеличением. В китайской пятитысячелетней истории было все – и император Цинь Шихуан, сжигавший книги и казнивший ученых, чтобы начать историю с чистого листа, и борьба с воробьями при Мао, приведшая к повсеместному распространению гусениц и насекомых... Но, может быть, именно так и вырабатывается иммунитет к радикальным преобразованиям, к разрушению старого мира «до основания, а затем». Китайская цивилизация, как уже говорилось, единственная из древнейших, которая существует и по сей день, сохраняя никогда не прерывавшуюся преемственность; остальные сгинули под нашествиями завоевателей, в лучшем случае передав им свои культурные достижения, а в худшем – вообще без следа, так что изобретенные ими «велосипеды» пришлось открывать заново. Народы, как и люди, мудреют с опытом, а опыт приходит с возрастом.

Может быть, именно беспрецедентная преемственность китайской традиции, сохранившая «неэффективные» иероглифы, которые в свою очередь позволили уберечь ассоциативность мышления и культуры, способствовала формированию знаменитой китайской приспособляемости, которая позволила пережить столетие унижения (1840-1949 гг.) и добиться ускорения экономического роста – сначала через плановую экономику советского типа (1949-78 гг.), затем через рыночные реформы (с 1978 г.). Политика меняется, великая страна бессмертна – многие народы хотели бы сказать о себе такое, но, согласитесь, у Китая больше оснований, чем у других.

*

*

*

Как же сложатся в XXI веке отношения США и Китая – двух самых мощных стран (Китай уже обогнал Японию по общему размеру ВВП, если считать по паритету покупательной способности)? Сценариев несколько. Если текущие конфликты (курс юаня, защита прав на интеллектуальную собственность, демократизация Китая) будут разрешены так, как хотят США, быстрый китайский рост, видимо, замедлится, и США еще надолго сохранят свое лидерство. Но лидерство это будет неизбежно означать дальнейшее распространение либеральной модели развития и западных ценностей в глобальном масштабе, что вызовет

ответную реакцию – конфликты со всем остальным миром, видимо, станут еще более интенсивными.

Если же Китай будет и дальше расти по 10% в год, то он неизбежно станет через два-три десятилетия мировым лидером даже не наряду с США, а, скорее всего, вместо США. Вопрос заключается в том, что при этом произойдет с восточноазиатской моделью развития и с «азиатскими ценностями»: либо они будут замещены традиционными западными (тогда смена лидера будет похожа на переход пальмы первенства от Англии к США в XX веке), либо, наоборот, они постепенно распространяться на весь мир, включая США. Не исключен, конечно, и некий компромисс между двумя моделями и двумя системами ценностей. Одно можно сказать с уверенностью – нынешнему поколению 20-летних предстоит жить в интересные времена.